

Солнце катится, кудри мои золотя,
Я срываю цветы, с ветерком говорю.
Почему же не счастлив я, словно дитя,
Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива,
И все шепчет и шепчет сверкающий меч.
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко стреляющий лук?
Иль не знаете вы — завоевана твердь,
К нам склонилась земля, как союзник и друг;

Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега.
Неужели за гранью широкой земли
И за гранью небес вы узнали врага?*

* *Николай Гумилёв. После победы.*

Пролог

Ночь умирала. Ещё сияли в небе разноцветные звёзды, складываясь в узоры незнакомых созвездий. Ещё раздавались трели соловьёв и уханье сычей. Ещё дул с лесистых склонов гор лёгкий ночной бриз, делая весеннюю ночь прохладнее.

Но далеко на востоке, над горизонтом, небо над гладью океана порозовело. За краем мира близилось утро. Ночная тьма начала редеть, обрисовывая скалистые кручи, обрывающиеся к самому морю. А в море, не так уж и далеко от берега, рассекая горизонт, вырастала чёрным конусом скала, увенчанная силуэтом замка — огромного, грубого, будто вытесанного из плоти самих скал, тёмного и беззвучного, то ли покинутого, то ли спящего.

Прямо напротив острова, на вершине утёса, нависающего над прибоем, над бьющими в берег волнами и ключьями пены, мальчик и девочка сидели на стволе поваленного ветром дерева — и смотрели на восток. На рассветающее небо и чёрный контур острова и замка.

Девочка была хрупкой и совсем юной, не больше четырнадцати-пятнадцати лет. Мальчик постарше на год или два, широкоплечий и на голову выше. Его щёки уже были знакомы с бритвой (хотя и не слишком в этом нуждались), а голос сломался и звучал совсем по-взрослому.

— Не замёрзла? — заботливо спросил он подругу.

Девочка, набросившая на плечи его куртку, молча помотала головой. Она была одета в праздничное платье —

со шнурованным лифом, с короткими пышными рукавами; платье красивое, но не слишком тёплое.

— Как рассветёт — пойдём вниз, — сказал юноша. Мрачно посмотрел на тёмный остров. — А то, не ровен час, господин Дракон изволит на прогулку вылететь.

— И что с того? — спросила девочка. — Боишься, что сожрёт?

Юноша пожал плечами. Ответил:

— Не боюсь. Но по доброй воле к Замку-над-Миром не ходят.

Он покосился на девочку. Собрался с духом. И спросил:

— Нотти... могу я тебя поцеловать?

Некоторое время девочка молчала, глядя на замок, всё ошутимее проступающий на фоне светлеющего неба. А потом ответила:

— Можешь, Тран. Но только если...

— Что? — воскликнул юноша.

— Если прыгнешь вниз с утёса.

Парень несколько секунд смотрел на неё сквозь ночной сумрак. Потом поднялся, сделал два шага и остановился на краю скалы. Метрах в тридцати под ним шумели волны, разбиваясь о камни и откатываясь назад.

— Я же не птица, — рассудительно сказал Тран. — Не маг Воздуха. Не дитя стихий. Я обычный человек. Если я прыгну — то расшибусь насмерть. Даже до глубокой воды не допрыгну, в камнях изломаюсь.

— Верно, — сказала девочка.

— Ты хочешь, чтобы я умер? — спросил парень.

— Нет.

— Понятно. — Тран плюнул вниз, в тёмную бездну с барашками пены на волнах. — То есть ты таким образом сказала мне «нет»?

Девочка не ответила. Продолжала сидеть, вытянув ноги и глядя на тонкую розовую полосу света над горизонтом.

— Мне пора, — сказал Тран обиженно. — Как рассветёт — мастерскую прибирать, пар заводить. Гномы опозданий не любят.

— Ты иди, я ещё посижу, — ответила девочка. Увидела, что парень колеблется, и добавила: — Иди, иди.

— Странная ты, — выдохнул парень. — Смотри, не засиживайся, Дракон сожрёт. Все знают, он юниц предпочитает.

— Ничего, не сожрёт, — хладнокровно ответила девочка. — Он вчера наелся до отвала.

— Кого? — заинтересовался Тран.

— Не «кого», а «чего». Жареной на углях утятины.

— Да ну тебя! — махнул рукой парень. Пошёл к едва различимой тропке, ведущей к подножью утёса.

— Куртку-то возьми! — сказала девочка.

Парень вернулся, неуверенно взял куртку. Спросил:

— А ты как?

— Не замёрзну. Солнышко восходит.

Тран ещё раз вздохнул и с болью в голосе сказал:

— Какая же ты чудная! Угораздило меня с тобой весь вечер танцевать... а потом на гору тащиться... и даже поцелуя пожалела! Что он у тебя, последний?

— Нет, первый, — серьёзно ответила девочка. — Поэтому и берегу.

— Бережёшь ты! — возмутился парень. — Хорошо, что со мной пошла на рассвет смотреть! Я человек честный! А если бы кто непорядочный оказался — уберегла бы?

Девочка повернула голову, посмотрела на него и улыбнулась:

— Уберегла бы. Не сомневайся. Да ты иди, Тран. Иди. Может, на летней ярмарке увидимся.

Тран снова махнул рукой и затопал вниз по тропинке, бормоча что-то о «чудной» и «лучше бы спать пошёл».

А девочка осталась сидеть, глядя на восходящее солнце.

Вот горизонт вспыхнул огненной точкой. Вот точка расплылась в линию, выгнулась бугром — и солнце зашевелило мохнатыми щупальцами золотых лучей, опираясь ими о воду и вытаскивая себя в небо.

Из лесной чащи за спиной девочки вышла высокая женщина в ниспадающем до икр платье из золотистой

парчи. Как она в таком одеянии ухитрялась прятаться где-то рядом, не зашумев, не запачкавшись, не порвав одежды, как сохранила при этом причудливую причёску из золотых волос — было совершенно не понятно.

— Привет, Лой! — сказала девочка, не оборачиваясь.

Лой Ивер, глава клана Кошки, не самого большого, но весьма влиятельного, грациозно присела рядом с девочкой. Вдохнула:

— Скажи, Нотти, неужели ты хотела смерти этого славного юноши?

— Конечно же, нет!

— Тогда он был прав, ты таким образом ему отказала? — Лой Ивер покачала головой. — Ах, Нотти, Нотти! Мальчики в этом возрасте бывают так глупы! Если бы он прыгнул?

— Я бы его спасла, пожалуй, — решила девочка. — Но он не прыгнул бы, и я это знаю. Он умный парень, учится у гномов механике, помогает родителям. Но слишком уж... приземлённый? Пусть подумает о необычном.

— Ясно. — Лой Ивер вдохнула, обняла девочку за плечи: — Что тебя сюда тянет-то?

— Красиво, — ответила девочка. — Даже из замка не такой красивый восход. Знаешь, почему? Оттуда самого замка не видно.

Солнце уже наполовину выбралось из-за горизонта. Стала видна улыбающаяся рожица на солнечном диске — добродушное широкое лицо, сияющее над морем. Огненная голова, как рисуют солнышко дети на картинках, озаряла мир.

— Сейчас... — сказала Лой.

Солнце на миг расплылось — и стало просто солнцем. Раскалённым огненным шаром.

— Чудят Прирождённые, — усмехнулась Лой. — А я однажды видела злое солнышко. Хмурилось, зубы скалило... Знаешь — страшное дело! Ну что, пора тебе домой?

— Зачем ты за мной ходишь? — спросила Нотти. — Неужели думаешь, что мне угрожает опасность?

Лой Ивер рассмеялась.

— Опасность? Опасность для дочери Дракона и Единорога? Для девочки Неведомого клана? Что ты, детка! Ты поссорилась с отцом и матерью, ты была в гневе и удрала на ярмарочный фест, полный подвыпивших простолюдинов. Я опасалась за селян!

Девочка помолчала. Подобрала камешек, повертела в пальцах, дохнула. С ладони сорвалась алая, как кровь, искра, взмыла навстречу поднимающемуся солнцу.

— Солнце в бездне моется проклятой, солнцу ненавиден согласдатай, — прокомментировала Лой, слегка подняв бровь. Золотистая парча прилегала к телу, подчёркивая, обтягивая, обрисовывая.

— Тебя мама просила? Или отец? — Нотти неприязненно отвернулась от Кошки. — А то, понимаешь, «селяне»...

— Никто меня не просил. — Лой тоже перекатывала на ладони гранитный осколок. — Клан Кошек не слушает просьб. Мы сами по себе, забыла?

Кровавая искорка растворилась в лучах рассвета. На миг блеснуло что-то в бойницах Замка-над-Миром, и вновь вернулась темнота. Лучи словно обходили вырубленную из скалы крепость.

— Хочу... — Нотти проводила взглядом исчезнувший огонёк. — Хочу дела. Чтобы крылья через всё небо. Чтобы ветер, чтобы пламя. Сила, вихрь, всё!..

— Ты не Дракон.

— Я не Дракон, — девочка шевельнула плечом, Лой Ивер осторожно убрала руку. — Почему так? За что?

— Такова суть вашего племени.

— Вот и мама то же самое талдычит!.. А ты повторяешь!..

— Дважды два всегда четыре, дорогая.

— Не у Прирождённых.

Лой взгляделась в упрямую ухмылку Нотти, меж её бровей на миг появилась и тотчас исчезла крошечная складка.

— Куда хочешь направиться? — легко спросила Кошка, словно и не слыша последних слов.

— Никуда! — буркнула Нотти. И вновь опустила руку за камешком.

— Не стоит. Возьми мой.

— Почему? — искренне удивилась девочка. Даже отвернулась от всё ярче и шире разливающегося над морем рассвета.

— Потому что даже я, Кошка, чую, что ты вкладываешь в свои чары.

— Только не начинай! «Магия есть ответственность» и прочее! Сыта! По горло! — выкрикнула Нотти.

— Ни в коем случае, — сказала Лой. — Магия — это когда делаешь, что хочешь.

— Что?! — опешила Нотти. — А папа говорит...

— Делаешь, что хочешь, но потом не закапываешь сделанное под ковёр.

— Фу! Шутки твои... кошачьи...

Лой Ивер чуть заметно пожала плечами. Драгоценная парча чуть зашуршала, когда она, гибко поднявшись, вдруг шагнула с обрыва прямо вниз, на острые камни.

Нотти не вскрикнула. Плавно, текуче, словно это она — из клана Кошки, одним движением оказалась на краю.

— Я же знаю, что с тобой ничего не случи... — Волны лениво лизнули тело в золотом сиянии платья; кровь смешалась с тёмной водой. — Я — ох — Лой!..

Разбившаяся о камни не шелохнулась. Волны потащили за собой распутившиеся волосы.

— Лой! — Нотти вскочила, прижимая кулаки к груди. — Лой, не пугай меня!.. У тебя... ты... это не последняя твоя жизнь!..

Тишина.

— Ах ты ж!.. — и потом ещё несколько таких словечек, что папа точно засадил бы безвылазно за книги или рукоделье — неважно, в общем, придумал бы наказание.

Прыжок. Ветер не успел даже свистнуть, а под ногами уже сжалась послушная её воле невидимая линза. Нотти мягко спрыгнула на мокрый гранит, опрометью бросилась к телу Лой — прибой уже пытался утащить в море неожиданную добычу.

— Л-лой!..

Провалившись по пояс, она подхватила тело на руки. Женщина была тяжёлой, но и у Нотти было куда больше сил, чем у обычной девушки. Выскочила обратно на камни, судорожно бросилась к отвесной стене.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!..

Бывает, магия не срабатывает. Редко, но бывает — даже у самых опытных чародеев. А владела ли Лой магией ветра хоть в самой малой степени?..

Она положила изломанное тело главы Кошек на сухое. Сухое стало мокрым — вода стекала с Лой, будто пропитала её насквозь, стекала, смешиваясь с кровью. Превеликие силы — нет, не дышит, пульса нет!

— Лой! Лой, ну скажи — ты ж меня испытываешь! Или... воспитываешь, правда?! Это ж всё понарошку, ты сейчас засмеёшься, скажешь: что, поверила, дурочка?!

По щекам катились слёзы, которые никто не замечал.

Лой не пошевелилась. Не засмеялась, не сказала: «Что, поверила, дурочка?». Она просто лежала, как и полагается мертвецам.

— Стой. Не уходи!..

Нотти схватила первый попавшийся камешек,дохнула раз и другой.

— Я дочь Дракона, повелителя сущего! Исцеляй!

Мокрый осколок гранита мгновенно высох, потеплел. Ноттидохнула вновь — камень засветился, засиял ослепительно-белым. Девушка лихорадочно прижала его к сердцу Кошки, и тело Лой Ивер конвульсивно дёрнулось.

— Возвращайся!.. Ну Лой, ну пожалуйста!..

— Остановись, — хрипло сказал простуженный голос. Неуклюжий толстяк в неопрятном, заляпанном грязью джинсовом комбинезоне стоял, засунув руки в карманы и привалившись к скале. — Это был её свободный выбор. Уважай его!

— О-обж... — начала было Нотти и осеклась. Отступила на шаг.

— Я не обижаюсь, — благодушно сообщил толстяк. — Это не входит в мои обязанности — обижаться на Едино-

рогов из Неведомого клана, капризных дочерей Дракона Возрождённого.

— Я... прошу прощения, Хранитель. И ещё прошу — помоги!..

— С чем? — удивился толстяк. — Нет, извини, дорогуша. Кошка Лой хотела дать тебе урок. А я никогда никому не мешаю учиться и учить! Хотя зря, зря...

Нотти глядела на него широко раскрытыми глазами.

— Она... ты... это взаправду, что ли? Нет, нет, быть не может!

— Почему не может? Очень даже может. Даже лучшие ошибаются, когда слишком много о себе думают. Да, а камешек-то — положи, девочка, положи. Покойникам он без надобности. Хочешь, чтобы кадавры у нас тут ша-стали? Мало нам Серых Пределов?

Нотти растерянно опустила руку; камень по-прежнему сиял сквозь сжатый кулак.

— И мальчика зря обидела, — продолжал разглагольствовать толстяк. — Хороший мальчик, правильный. Красивый. Хоть поцеловала бы, и тебе приятно, и ему было бы что вспоминать на старости лет! Ну а что воображением не отличается — так не всем же быть потомством Единорога и Дракона! Гм, нет, не Единорога — Единорожки?.. Тоже нет, слишком фамильярно. Какой бы феминитив образовывать, не подскажешь?

Вместо ответа Нотти резко прижала камень к мокрому платью Лой.

— Ты что?! — толстяк аж передёрнулся.

— Феминитив! — яростно прошипела Нотти. — Врёшь ты всё! Она... её исцелить надо, а ты!..

— Так исцеляй, — невозмутимо сказал Хранитель. — Только не выйдет.

— Почему? Я не Дракон! Я Единорог! Мы исцеляем и несём жизнь!..

— Единорожка. Только тут не принесёшь.

Камень на груди Лой Ивер крошился и распадался. Струйки света, словно кровь, бежали по пальцам Нотти, по мокрой парче, и золотистая ткань словно вспыхивала.

— Упрямишься, — заметил толстяк. — Эт' хорошо, эт' правильно. Папаша твой такой же... был. Только зря, Нотти. Чудище сотворишь, вот и всё. Прекрати.

— У неё оставалось больше, чем одна жизнь!

— Откуда ты знаешь? — собеседник Нотти философски скрестил руки на жирной груди. Для его бочкообразного тела ручки были коротковаты. — Ты их считала?

— Я знаю! Она говорила!

— Я. Могла. Соврать!

Нотти подпрыгнула и не удержалась — взвизгнула. Мёртвое тело Лой по-прежнему лежало перед ней на камнях. А за спиной оказалась ещё одна Лой — живая, вничуть не испачканном и не помятом платье, со строгим взглядом, устремлённым на девушку.

— Ты! — выкрикнула Нотти. — А это кто?

— Обжора, — мрачно глянув на толстяка, сказала Лой.

— Нет, это! — Нотти обвиняюще ткнула пальцем в мёртвое тело.

— Морок, — холодно ответила Лой. — Ты забыла, что Кошки — мастера иллюзий? Если бы ты вдохнула в него побольше силы — получился бы мерзкий кадавр.

— Но... но копировать себя! — Нотти чуть не задохнулась от возмущения. — Это неприлично! Постыдно!

— Почему? — Лой пожала плечами.

Нотти выдохнула. Покосилась на Обжору — тот стоял, с радостным любопытством наблюдая за ними. Нотти собралась. Всё-таки она была дочь Дракона и Единорожки... тьфу! Мерзкое порождение Хаоса, с его мерзкими феминитивами!

— Хорошо, — сказала Нотти, уже сдержанно. — Но зачем ты это сделала? Я испугалась за тебя!

— Я хотела проверить три вещи, — сказала Лой, медленно приближаясь. — Первое: испугаешься ли ты за меня. Ответ — да. Второе: будешь ли ты уважать мою волю. Ответ — нет. И третье: задумаешься ли ты над тем, что предлагала обычному живому человеку прыгнуть с этого обрыва. Ужаснёшься ли себе. Ответ?

Нотти молчала.